

тях тех людей, которые его окружают, и только такой опытный человек как Терло может помочь ему разобраться. <...>...и служить ему с таким же успехом как он делал это в годы протектората» /26/.

Официальный же ответ Терло английскому королю помимо необходимых слов благодарности, фактически содержал только одну фразу: «Я не могу согласиться на ваше предложение, поскольку я никогда не смогу служить вам также как протектору, так как при Оливере Кромвелле искали людей для государственных должностей, а не должности для людей...» /27/. Иначе говоря, он до конца остался верен и своему протектору, и своей эпохе, эпохе кровавой и беспощадной, к этому времени уже ставшей достоянием прошлого... .

1. The Dictionary of National Biography, - Oxford, 1908 - 1909, vol. 19, p.821.
2. Там же;
3. Английская буржуазная революция 17 в./Под ред. Акад. Е. А. Косминского и канд. ист. наук Я. А. Левинского, - М.: Изд-во Акад. наук, 1954, т. 1, с. 460.
4. Firth C. H. Secretary Thurloe on the Relations of England and Holland - The English Historical review, 1906, vol. XXI, №82, p. 319. - 327.
5. Эйлер Джеральд. Восстание или революция? - СПб.: Алетейя, 2004, с. 158.
6. Whitelocke В. Memorials of the English Affairs from the Beginning of the Reign of Charles I, Oxford, 1853, vol.4, p. 45.
7. The writings and speeches of Oliver Cromwell/ Ed. Abbott W.C. - Cambridge, 1937 - 1947, vol. 3, p. 78.
8. Там же.
9. Там же, p. 820.
10. Павлова Т.А. Кромвель. - М.: Мол. гвардия, 1980 г., с. 298.
11. Ст. Вольский. Кромвель. - М.: ГПИБ, 2002 г., с. 227.
12. Whitelocke В. Memorials..., Oxford, 1853, vol.4, p. 43.
13. Эйлер Джеральд. Восстание или революция? - СПб.: Алетейя, 2004, с. 165.
14. Д. Юм. Англия под властью дома Стюартов./ Под общ. ред. С. Е.Федорова. - СПб.: Алетейя, 2001, т. 2, с. 64 - 65.

15. D. E. Underdown, Sir Richard Willys and Secretary Thurloe.// The English Historical review, 1954, vol. 69, №272, p. 374.
16. Thurloe State papers/Ed. Birch T. - L., 1742, vol. 8, p. 254.
17. Burton T. Diary of Thomas Burton - L., 1828, 4vol, p. 408 - 409.
18. Английская буржуазная революция 17 в./Под ред. Акад. Е. А. Косминского и канд.ист.наук Я. А. Левинского, - М.: Изд-во Акад.наук, 1954, т. 2, с. 45.
19. Thurloe State papers/Ed. Birch T. - L., 1742, vol. 3, p. 51.
20. Там же, p.15.
21. Там же, p. 18.
22. Там же, p. 42.
23. Antonia Fraser. Cromwell: our chief of men. - L., 1975, p. 485.
24. Павлова Т. А. Кромвель. - М.: Мол. гвардия, 1980, с. 298.
25. E. Hyde, Earl of Clarendon. The History of the Rebellion...Edited by W. Dunn Macray. - Oxford, 1888, vol. 6, p. 56.
26. Thurloe State papers/Ed. Birch T. - L., 1742, vol.1, p. 19.
27. Там же.

О. В. Анисимов

Провозглашение и признание империи Наполеона III.

В отношениях Франции и России середины XIX в. эпизод с признанием империи Луи-Наполеона Бонапарта сыграл важную роль в обострении противоречий между ними. Некоторые авторы даже возводили «обиду» Луи-Наполеона в ранг мотива поведения Франции в Восточном вопросе. Не преувеличивая его значимость, эпизод с признанием Наполеона III следует признать показательным для кризиса франко-русских отношений и усугубляющего противоборства французской и русской дипломатии в споре за Святые места Палестины.

В сентябре 1852 г. посол России в Париже граф Н. Д. Киселев в тревожной обстановке отправился в Санкт-Петербург для получения инструктажа. Поездка принца-президента Луи-Наполеона по Франции подходила к концу, во многих местах

страны было отмечено воодушевление французов по поводу предстоящего восстановления империи. Российская дипломатия, начиная с февраля 1852 г., не раз выражала озабоченность желанием президента сесть на императорский трон. В беседе с оставшимся за Киселева поверенным в делах князем Куракиным министр иностранных дел Франции Друэн де Льюис резонно отвечал на возражения российской стороны: «У президента республики три имени: Карл, Луи и Наполеон. Назваться ему Карлом XI? Это было бы абсурдом. Принять имя Людовик XIX? Опять нелепость.... Предоставим же Луи-Наполеону принять титул, который ему нравится и не будем осуждать его за то, что он будет называться так, того желает Франция» /1/. Действительно, для автора «Наполеоновских идей» было бы немислимым принимать «королевские» имена, ставя себя в один ряд со старыми монархиями. Его идеал - «народная монархия», освященная доверием и согласием большинства французского народа, сплоченного под бонапартистским орлом.

События совершились быстро: 4 ноября 1852 г., ровно через год после последнего обращения к Законодательному собранию, президент обратился к сенату с предложением восстановить империю, «как того желает французская нация». «В установлении империи народ найдет гарантию своим интересам и удовлетворение своей справедливой гордости: это восстановление гарантирует интересы, укрепив будущее, закрыв эру революций, освятив завоевания 89 года. Империя соответствует законной гордости нации, потому что, восстанавливая свободно и разумно то, что вся Европа 37 лет ниспровергала силой оружия среди несчастий отечества, народ славно мстит за свои невзгоды без жертв, без угрозы ничьей независимости, без вызова спокойствию мира» /2/.

7 ноября последовало постановление сената, объявляющее о присвоении президенту титула императора. Официальное и торжественное провозглашение Второй империи намечалось на 1 - 2 декабря. Западная Европа и Россия встретили эти события спокойно, за исключением некоторых представителей ан-

лийской прессы, которые попытались поднять шум о якобы готовящемся вторжении французов.

Н. Д. Киселев вернулся в Париж 1 декабря, накануне торжеств, и, не имея возможности что-либо исправить и как-то повлиять на мнение Луи-Наполеона, бросил упрек, что имя Наполеон III - «совершенно новое изобретение». На это президент напомнил послу, что, во-первых, уже с 1833 г., после кончины герцога Рейхштадтского появлялись гравюры с изображением Луи-Наполеона и присвоенным именем Наполеона III, и, во-вторых, именно этому имени он обязан свои успехом, и население никогда не встречало его возгласами «Да здравствует Луи-Наполеон!» /3/. Иными словами, только титул «император Наполеон III» оправдан морально и политически, и только за ним стоит востребованная ныне политическая идеология.

На другой день Друэн де Льюис письменно уведомил дипломатический корпус о свершившихся переменах и необходимости для аккредитованных дипломатов получить новые верительные грамоты. Представители России, Англии, Австрии и Пруссии ответили общей нотой от 2 декабря с признанием совершившегося факта и заверениями в поддержании добрых отношений.

Первым государством, полностью признавшим императорское правительство, стала Великобритания. Незадолго до 2 декабря Бруннов сообщал в Россию о том, что Англия признает Французскую империю, даже если не поступит официальных гарантий сохранения трактатов 1815 года /4/. 4 декабря королева Виктория направила своему «брату» поздравительное письмо, 6 декабря британский посол в Париже лорд Г. Каули полностью признал Наполеона III. Решимость, с которой Британия установила дружественные контакты с новой Францией, подталкивала другие державы не медлить. Отсутствие гарантий мира более не могло быть серьезным аргументом, так как они были даны послом в Лондоне Велевским и подтверждены императором в выступлении перед палатами /5/. Несмотря на это, распустились слухи о готовящемся вторжении Франции в Бельгию,

о чем якобы через несколько дней после 2 декабря 1852 г. уже был подписан соответствующий декрет. Эта дезинформация была настолько убедительна, что некоторые историки XIX в. сочли ее за достоверную /6/.

Россия не спешила с признаниями; Австрия, Пруссия и с ними вся Германия находились в тревожном ожидании. В мае 1852 г. между главами правительств «континентальных держав» был принят Протокол, который оформлял единую для трех держав позицию непризнания восстановления династии Бонапартов, но одновременно позицию сочувствия стремлению президента максимально возможно укрепить свою власть. Теперь этот документ должен был пройти испытание на прочность.

Первый министр Австрийской империи К. Буоль-Шауэнштайн предлагал признать империю и императора, но отказать ему в праве быть «братом» европейским монархам, то есть свести политический вопрос целиком и полностью в область протокольного этикета. Николай I согласился вести дело таким образом. 8(20) декабря 1852 г. Киселеву была послана депеша, где пояснялось, что, признавая нового государя и новое правительство, царь настороженно относится к цифре III, используемой французским императором в своем титуле, что Россия и все европейские государства встревожены мотивами восстановления империи, обозначенными в послании президента сенату. «Титул Наполеона III поднимает принципиальный исторический вопрос, в котором у Европы и Франции нет согласия, поэтому Россия не может дать в своих актах наименование Наполеона III». В депеше правительству Франции предлагалось не настаивать на неуклонном признании, тем более что Россия не собирается делать из этого проблему /7/. Нетрудно заметить, что депеша 8(20) декабря проникнута духом ноябрьского Меморандума графа Нессельроде: он снова пытался говорить от имени Европы, хотя уже Англия безоговорочно признала Вторую империю; он снова углублялся в историю и утверждал, что прошлое не может быть основой согласия между Францией и Европой; но при этом Нессельроде отдавал должное мудрости и умереннос-

ти Луи-Наполеона, который за четыре года нахождения у власти доказал свою приверженность европейскому миру.

Киселев направил ноту Друэн де Льюису, где в точно такой же манере объяснил поведение российского кабинета. Он принял во внимание мирные заявления, сделанные как Наполеоном, так и министром иностранных дел, но признал, что «идея мира неотделима от соглашений, на которых она основана». А название нового режима и преемственность с режимом Наполеона I затрагивают сущность трактатов 1815 г., что не может не беспокоить Россию и союзные ей державы /8/.

От позиции России многое зависело. А. М. Горчаков, в те годы посланник в Вюртембергском королевстве, писал канцлеру Нессельроде: «Взгляды обращены в сторону Невы, дабы знать, что отныне следует говорить и делать. Никогда за 11 лет, которые я пребываю здесь, Король не был так всецело посвящен в политику нашего Августейшего Государя» /9/.

Видимость согласованных действий Австрии, Пруссии и России быстро развеялась. Когда в начале января 1853 г. Киселеву пришли новые верительные грамоты, оказалось, что только Николай I начинал свое обращение к Наполеону III «господин и добрый друг». Австрия и Пруссия же предоставили своим послам грамоты в полном соответствии с протоколом, обращаясь к новому императору словами «господин и брат мой». Державы оправдывались тем, что они не могли противиться мнению всей Германии, которая спешила признать французское правительство. Николай I счёл своих союзников трусами и решил не отступать. Только в середине февраля 1853 г. из донесений А. М. Горчакова стало понятно, какую комбинацию разыграла Австрия, чтобы угодить Франции и не слишком разозлить Россию.

Будучи лояльной к идее правления Наполеона III, Австрия более других «северных дворов» готова была пойти на соглашение с Францией, поскольку Буоль видел в ней потенциальную опасность и не хотел осложнять отношения протокольной проблемой. В то время как представители трех держав медлили с передачей нот от своих правительств Друэн де Льюису, Буоль

разослал австрийским представителям в германских государствах весьма примечательный циркуляр, о содержании которого стало известно А. М. Горчакову. В нем говорилось, что государствам второго ранга, не участвовавшим в подписании трактата 1815 г., и одновременно не присоединившимся к ноте признания империи, представленной Австрией и Пруссией, ничто не мешает сделать это без промедления /10/.

Германские государства, не менее чем австрийский канцлер желающие сохранять мирные отношения с Францией, стали признавать Наполеона III. Когда вюртембергский посланник Вехтер пришел к Друэн де Льюису, французский министр показал ему ноту признания от Австрии. Пораженный Вехтер сказал, что *в таком случае* ему остается только передать свои верительные грамоты, то есть признать империю от имени Вюртемберга, что противоречило данным ему инструкциям /11/. Таким образом, вызвав германскую «волну признания», Австрия смогла сесть на ее гребень и ловко избежать трудного разговора с Россией. Пруссия также была увлечена этой «волной», не желая оставаться в одиночестве в Германии. Россия с ее принципами осталась одна.

В Париже не все были настроены принимать грамоты от Н. Д. Киселева в таком виде. «Партия войны» во главе с герцогом Ф. Персиньи требовала отказать Киселеву в аккредитации до получения «братских» заверений Николая I. Воинственная риторика Персиньи, требовавшего наказать «оскорбление, нанесенное Франции», настораживала, но не пугала российского посла. Встретившись с Персиньи в кулуарах, Киселев сказал ему: «Что же! Вы хотите войны с нами? Вы хватили через край. *Братство или смерть!* Но по счастью, все это не так серьезно, ибо ваши коллеги лучше вас находятся в курсе дел и они не позволят вам сделать глупости» /12/.

Дух примирения взял верх в Париже. Оскорбленный Наполеон III, по совету своего брата герцога де Мори, решил принять грамоты Киселева, отблагодарив российского императора словами маркиза Кастельбажака, посла в Санкт-Петербурге:

«Добрый друг лучше фальшивого брата» /13/.

Признание Второй империи обошлось без большого политического кризиса. Вся Европа признала новое правительство и титул Наполеона III. Вынужден был сделать это и Николай I, покинутый своими союзниками Францем-Иосифом и Фридрихом-Вильгельмом IV. Нессельроде полагал дело законченным. Он писал Горчакову, что «Наш Император заставил государя большой империи проглотить горькую для усвоения пилюлю» /14/. В этом же письме государственный канцлер подверг оценке расхождение, имевшее место между Россией и Австрией вместе с Пруссией по поводу признания Наполеона III. Для Нессельроде это разногласие выявило то, что «для них он стал *добрым братом* и *добрым другом* для нас». В свою очередь констатация этого факта свидетельствовала об ухудшении франко-русских отношений по сравнению с началом 1852 г., когда в Петербурге восторженно приветствовали бонапартистский государственный переворот 2 декабря. К. В. Нессельроде предписывал Горчакову убедить короля Вюртемберга, что союз «северных дворов» не поколеблен, хотя Луи-Наполеон «не откажется ни от какого средства, чтобы нас разделить, как он пытается привлечь в свою орбиту второстепенные дворы Германии» /15/. Однако очевидное расхождение позиций союзников относительно признания Второй империи трудно было объяснить проблемами текущей политики. Кризис непонимания был налицо. Российский канцлер опасался активности Франции на германском направлении более чем на Востоке, поэтому не прекращал верить в спасительную и охранительную миссию союза с Австрией и Пруссией.

Отношения между Францией и Россией в течение 1852 г. претерпели интересную эволюцию от улучшения до ухудшения. Дело не столько в том, что Николай I не мог добровольно согласиться на восшествие на престол Наполеона III, ибо видел в этом удар по трактатам 1815 г., а в том, что франко-русские отношения переживали кризис из-за спора вокруг Святых мест Палестины. К моменту провозглашения Второй империи в Ие-

русалиме французская дипломатия одержала очевидную победу: французский посол Ш. Лавалетт, не без угроз вооруженной интервенции, склонил на свою сторону турецкие власти. Католическая община Палестины, поддерживаемая Францией, добилась расширения своих прав и владений на Святой земле, в частности, в Иерусалиме в ущерб православной греческой церкви. К осени 1852 г. этот религиозный конфликт уже вышел за рамки церковного спора: к его решению были привлечены дипломаты России, Франции и Турции, а также влиятельные турецкие праведы и политики; чувствовалось повышенное внимание прессы и общественного мнения. К концу осени 1852 г. Стало понятно, что турецкие власти в Иерусалиме пошли на поводу у французского посла, и это обстоятельство не могло не раздражать российское руководство. Но пока еще правительство России не связывало трения из-за палестинских соборов и ключей и большие политические дела, такие как признание Второй империи, в единый узел. Непризнание Наполеона III мотивировалось исключительно идеологически. Еще больше раздражало Россию желание новоиспеченного императора принять на себя титул протектора Святых мест /16/.

В идеологии Луи-Наполеон и Николай I оказались непримиримыми противниками, и протокольная коллизия с «добрым другом» осложнила франко-русские отношения, которые к началу весны 1853 г., то есть через четыре месяца после провозглашения Второй империи, дадут настоящую трещину из-за Палестинского спора.

В инструкциях, данных князю Меншикову при отправлении чрезвычайного посольства в Константинополь в конце февраля 1853 г., называется цель, которую преследовал Николай I, называя Наполеона «другом», - «ослабить то обаяние страха и силы, которое оказывает новое французское правительство на слабые государства, и в числе их на Турцию» /17/. Как бы то ни было, то был уже запоздалый шаг: слова посла Лавалетта, подкрепленные французской эскадрой, влияли на Турцию гораздо сильнее, чем верительная грамота Николая I.

1. Мартенс Ф.Ф. Сборник трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. 15. С. 262 - 263.
2. Œuvres de Napoléon III. 10 vol. V.5. 1856. P. 348.
3. Мартенс Ф.Ф. Указ. соч. Т. 15. С. 265.
4. Бруннов - Нессельроде 17/29 нояб. 1852. ГАРФ. Ф. 728 Коллекция документов из библиотеки Зимнего дворца. Оп.1 ч.2. Д. 2271. Разд. VIII, ч. IV. Л. 31.
5. Из выступления главы Foreign Office лорда Мальмсбери перед палатой лордов. Constitutionnel, 10 déc. 1852 (№345).
6. Делор, Тоскиль. История Второй империи во Франции. СПб, 1871. С. 34.
7. Копия депеши Киселеву из Петербурга 8/20 декабря 1852 г. ГАРФ. Ф.828 Горчаков. Оп.1. Д. 601. Л. 12.
8. Киселев - Друэн де Льису 22 дек. 1852 (3 янв. 1853). ГАРФ. Ф.828 Горчаков. Оп.1. Д. 601. Л. 14-15.
9. Горчаков - Нессельроде 26 нояб. (8 дек.) 1852 г. ГАРФ. Ф. 828 Горчаков. Оп.1. Д. 250. Л. 137.
10. Горчаков - Нессельроде 29 янв. (10 февр.) 1853 г. Там же. Л. 142. Дословно в тексте: «les Cours du 2nde Ordre n'ayant pas concourru à la signature du Traité de 1815, une fois l'acte de reconnaissance remis par l'Autriche et la Prusse à Paris, c'est-à-dire la question fait son premier stage, rien ne s'opposait à ce que les Ministres des Etats du 2nde Ordre s'accréditaient sans attendre davantage». Напомним, что Акт 9 июня 1815 г. был подписан только от имени держав-участников Парижского мира 30 марта 1814 г., а именно от имени следующих монархов: императора Австрийского, короля Испанского, короля Французского, короля Великобритании, принца-регента Португальского, короля Прусского, императора Российского, короля Шведского.
11. Горчаков - Нессельроде 29 янв. (10 февр.) 1853 г. Там же. Л. 142.
12. Цит. по: Persigny F. Mémoires du duc de Persigny. P., Plon, 1896. P. 221.
13. Горчаков - Нессельроде 29 янв. (10 февр.) 1853 г. ГАРФ. Ф.828 Горчаков. Оп.1. Д.250. Л.140.
14. Нессельроде - Горчакову 16 янв. 1853 г. ГАРФ. Ф. 828 Горчаков. Оп. 1. Д. 601. Л. 16.
15. Там же. Л. 17-18.
16. Memorandum, приложен к письму Нессельроде - Горчакову 10(22) нояб. 1852. Там же. Л. 36.

17. Цит. по: Богданович М. И. Восточная война 1853-1856 годов. СПб., 1877. С. 28-29.

С. М. Ермилов

Становление нефтедобывающей промышленности в Мексике при П. Диаса (1900 - 1911 гг.).

Становление нефтедобывающей промышленности в Мексике традиционно связывается с именами калифорнийского предпринимателя Эдварда Лоренса Дохени и главы одной из наиболее крупных английских строительных фирм, “С. Пирсон и сын” (S. Pearson & Son Ltd.), сэра Уитмена Пирсона. Оба начали свою деятельность в стране практически одновременно, на закате длительного правления президента П. Диаса (1876 - 1911 гг.). К тому времени на мексиканском рынке нефтепродуктов уже успела укрепиться “Уотерс - Пирс” (Waters - Pirce Oil Co.), тесно связанная с компанией крупнейшего американского монополиста Дж. Д. Рокфеллера “Стандард Оил” (Standard Oil of New Jersey). Но, так как она занималась импортом американской нефти и вовсе не ставила своей целью разработку мексиканских месторождений, Э. Л. Дохени и У. Пирсон стали фактическими первопроходцами в этой отрасли и сумели поставить мексиканскую нефтедобычу под свой нераздельный контроль.

О существовании в Мексике залежей нефти было известно давно. Еще в доколумбовы времена ее использовали для различных целей индейцы Табаско и Уастека. Ароматную смолу, добываемую из выходящих на поверхность асфальтовых озер, так называемых “чапопотерас” (chapopoteras), применяли во время богослужений в храмах, при заболеваниях дыхательных путей и для освещения домов /1/.

Испанские конкистадоры, пришедшие на континент в поисках новых источников золота и серебра, видели в чапопотерас исключительно помеху. Лошади и другие животные, попадая в

асфальтовые озера, увязали в них и гибли в вязкой жиже. По этой причине земля в таких местах стоила гораздо дешевле и не привлекала владельцев крупных асьенд.

Первые попытки начала промышленной добычи нефти в Мексике были сделаны вскоре после открытия месторождений в Пенсильвании в 1859 г. Император Максимилиан, возведенный на трон французами в ходе интервенции 1864 - 1867 гг., опубликовал 6 июля 1865 г. регламент, который запрещал добычу полезных ископаемых, в том числе нефти, без соответствующего разрешения властей. Тогда же, несмотря на продолжавшуюся в стране гражданскую войну, Максимилиан передал французам и мексиканцам 38 концессий на добычу нефти в штате Табаско (Tabasco), в северном Веракрусе, в районе перешейка Теуантепек (Tehuantepec), Пуэблы, Уастека (Huasteca) и в некоторых других местах /2/. Однако с падением власти этого марионеточного правителя и уходом из страны французских войск начавшейся практике быстро пришел конец.

Приход к власти в Мексике П. Диаса и принесенная им длительная стабильность стимулировали рост национальной экономики. При этом наиболее существенным козырем его режима стало издание чрезвычайно выгодных для североамериканских и европейских бизнесменов земельных законов. Акты, распространяющие право частной собственности на землю также на полезные ископаемые, в том числе нефть, в ее недрах, были приняты в 1884 и 1892 гг. Первый закон 1884 г. имел своей целью преодолеть нежелание иностранных компаний вкладывать средства в развитие горнодобывающей промышленности. Что касается второго закона 1892 г., то он дополнял первый и указывал, что собственник земли может использовать богатства ее недр свободно, не нуждаясь в предоставлении каких-либо специальных концессий от правительства /3/. Таким образом, для организации добычи на территории Мексики в начале XX в. предпринимателям требовалось только подписать необходимые контракты и заключить арендные соглашения с собственниками земель, на которых они собирались бурить скважины.